

Татьяна Новосёлова

**ЗВЁЗДНЫЙ
ЧАС**

12+

Татьяна Михайловна Новосёлова

Звёздный час

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63363182

SelfPub; 2021

ISBN 978-5-532-98070-9

Аннотация

В фантастической повести "Звёздный Час" рассказывается о том времени, если бы на Земле была открыта способность быстро преодолевать космические расстояния, и когда скорость течения жизни на нашей планете не шла бы в разрез с течением временем на летящих от планет к планетам кораблях. Обыкновенный транспортный межгалактический звездолёт совершает самый обыкновенный плановый рейс к далёкой звезде. И на нём летят самые обыкновенные люди Земли со своими чувствами, мыслями, пристрастиями, со своими характерами. Но то, что происходит с ними во время этого полёта, заставляет их показать свои главные человеческие качества и силу духа. Для каждого из них предназначен свой "звёздный час".

Татьяна Новосёлова

Звёздный час

Огромный мир вселенной вечен.

Но мы живем на свете только раз.

И в трудной нашей жизни, и в беспечной

У каждого свой звёздный час.

Удивительное, бездонной глубины космическое пространство расстиралось повсюду, куда ни падал взгляд. И сзади, и спереди густая чернота стеной стояла на обзорных экранах. Только маленькие точки звёзд, особенно яркие на таком фоне, неподвижно висели вокруг. Лишь мощнейший локатор отмечал их едва уловимое передвижение.

Космический корабль класса "Зодиак" вот уже несколько недель мчался среди этой черноты к далёкой, но уже знакомой на Земле, нежно голубой звезде Алансолярий.

Звезду открыли не так давно и она сразу привлекла к себе внимание не только ученых, но и всех жителей Земли, постоянно наблюдавших за ходом исследования её планет, на одной из которых была обнаружена несколько необычная форма разумной жизни.

И вот совсем недавно стал возможен контакт с инопланетной цивилизацией. Гость с неё более месяца находился в земном сальватории. Были предприняты все пути под-

хода к нему, работало очень много специалистов контактеров. Особенно интересовались способностью жителей этой планеты Алансолярия приспособляться к любым окружающим условиям, чтобы не погибнуть.

Гостя доставил на Землю космический корабль, который летал в районе звезды и на планете Фелла обнаружил признаки разумной жизни. Теперь этот же корабль вез его обратно на Феллу.

Огромный красавец звездолёт бороздил бескрайние просторы океана вселенной. Длинный сигарообразный его корпус казался лёгким и невесомым, каким-то даже неуловимым, воплощением невероятной скорости. Внешние линии корабля так причудливо изгибались, будто волны, гонимые стремительным ветром, застыли, окаменев на бортах. Носовая часть корпуса гигантским конусом уходила вперёд и искрилась необычным светом среди непроницаемой мглы космоса. На нем большими буквами выделялось название корабля – "КЛЁН".

Звездолёты класса "Зодиак" было принято называть чисто земными понятиями, заключающими в себе дух родной землянам природы: "Родник", "Тополь", "Кипарис". Особенно астронавты любили названия деревьев. Они как будто увозили с собой в мёртвый звёздный мир частицу своей родины.

"Клён" был транспортником. Он мотался между звёзд и туманностей, выполняя самую обыденную работу. Перевозил

зил грузы, партии исследователей на станции, находящиеся на планетах и искусственно созданных летающих площадках, доставлял образцы внеземных структур в лаборатории.

Недавно "Клёну" повезло. Он столкнулся на Фелле с разумной жизнью, которая очень заинтересовала ученых. И вот теперь на его борту необычный пассажир возвращался к себе домой. Для жилья ему отвели отсек, где поддерживались специальные условия. Но пассажир уже акклиматизировался и неплохо чувствовал себя в атмосфере космического корабля. Он общался со всеми членами экипажа транспортника. Астронавты с трудом понимали, как ему удалось приспособиться к земным условиям. Специалист по контактам Вира Дельмонг пыталась что-то объяснить своим товарищам, но ни командир корабля, ни астронавигатор так ни в чем толком и не разобрались.

Житель Феллы, действительно, имел немислимый вид. Его тело представляло собой правильный цилиндр, лежащий на боку. Оно составлялось из набора концентрических тонких колец, находящихся друг от друга на небольшом расстоянии. Абсолютно непостижимо было, как они не разваливаются, потому что между ними отсутствовала всякая связь. Кольца, казалось, существовали сами по себе, и какая сила удерживала их вместе, являлось загадкой. Тем не менее, ни одно кольцо не смещалось и не выскакивало со своего положенного места. Станным выглядело и то, что кольца могли перемещаться, увеличивая расстояние между собой,

а невидимая связь при этом оставалась такой же прочной. Цилиндр, в результате, удлинялся и мог вырасти до невероятных размеров или, наоборот, сжимался в тончайшую пластинку, в зависимости от места нахождения. Он неизменно занимал собой в ширину всё пространство, по которому передвигался. Перемещаясь по коридорам и отсекам корабля, он вытягивался обычно от стенки до стенки. Так жители Феллы ориентировались в окружающем пространстве. Никакого намека на органы зрения у них не существовало. Впрочем, затем выяснилось, что фелляне все же как-то видят. Не могут только оценивать расстояния, делают это на ощупь.

Цилиндр двигался, перекатываясь по полу, совершенно бесшумно. Внутри он был полый. То есть ничего не препятствовало прониканию сквозь него любых предметов. Удавалось даже свободно просунуть руку.

На первый взгляд, цилиндр казался неорганического происхождения. Он имел чуть голубоватый матовый блеск. Создавалось впечатление, что тут какой-то металл. Но нет, этот набор колец жил, дышал, даже питался непонятным способом. И на ощупь он был ничуть не холодный, а абсолютно гладкая с виду поверхность – шершавой.

То, что цилиндр дышал, не вызывало сомнения. При этом цвет колец становился красноватым и пульсировал. Только потребность в дыхании у него была не постоянной, а через длительные промежутки времени, причем, разные по продолжительности. Атмосфера планеты Фелла совсем не по-

ходила на земную – какая-то концентрация пока ещё не известных на Земле газов. Но её житель сравнительно легко перестроился на земной воздух. В этом вопросе предстояло ещё много и много разбираться.

Вот так выглядел пассажир "Клёна".

Не сразу, но нашлись и способы общения с "цилиндром". Оказалось, что эти существа разговаривают и способны даже переводить свою речь на язык землян более или менее понятно, что очень облегчило контакт. Многое удалось узнать из уст самого представителя.

При "разговоре" цилиндр издавал негромкие, нежные, звенящие звуки. Впервые услышав их на Фелле, астронавты "Клёна" поразились красоте звучащей мелодии. "Лёли-лёлели-лей" – первое, что донеслось до них при появлении инопланетянина около их корабля.

– Слышите, поёт! Лёли-лёлели-лей, – повторила Вира.

При этом бледно-голубые кольца инопланетянина ярко заалели.

– Он понял меня! Я его окликнула и он отозвался! – закричала она. – Лёлий, Лёлий! – более энергично позвала девушка.

Звучание слова всем понравилось и с тех пор нового знакомого так и стали звать на "Клёне" – Лёлий. И даже более по-дружески – Лёлик.

Лёлик и не сопротивлялся, когда его позвали с собой неизвестные ему пришельцы. Видимо он был чрезвычайно любопытен или преследовал какую-то иную, свою, цель. Он быстро освоился с экипажем, и с ним оказалось приятно общаться. Он где-то даже обладал земным остроумием.

Более всего Лёлий привязался к контактёру Вирии Дельмонг. Вирия была очень добрым, мягким, душевным человеком. Все окружающие её люди чувствовали себя с ней очень легко. Эти качества, как считали её друзья, являлись немаловажными в её работе по контактам с представителями других миров.

– Берегись, Вира, вдруг влюбится в тебя абориген какой-нибудь планеты и заберет с собой. Придётся тебе навсегда покинуть родную Землю и переселиться туда, – шутил навигатор Александр Лоре.

Вира имела не только замечательные качества души, она была и красива. Длинные светло-каштановые волосы вились вдоль маленького приятного личика, опускались на плечи. Лётный комбинезон придавал её невысокой, хрупкой, стройной фигурке какую-то особую лёгкость. Она и в институт космоса пошла из-за детской симпатии к форме астролетчиков. Но теперь, получив специальность контактёра, не представляла себе жизни вне космоса и с ужасом думала о том, что было бы, избери она другую профессию. Изучение внеземных цивилизаций составляло теперь цель её жизни.

У Вирии были необычные, чистой синевы глаза, такие синие, какие вряд ли у кого еще можно встретить. Шурик Лоре не уставал восторгаться ими. Он даже написал такие строки:

Не сравнится море, не сравнится небо,
Не сравнится вешняя краса.
Такого цвета в целом мире нету
Как нашей Виры чудные глаза.

Вира Дельмонг родилась на берегу Средиземного моря, когда её мать работала там в экспедиции. Отец, эпидемиолог по специальности, очень решительный и энергичный человек, не дав опомниться молодой практикантке, приехавшей с севера, уговорил выйти за себя замуж. Он занимался исследованиями в области неизвестных болезней, весьма интересовался возможными инфекциями на планетах других звёздных систем. Вира увлекалась его работами и это оказалось небесполезным для её будущей профессии. Характером же она походила на мать: спокойная, ласковая, безгранично верящая людям.

Вира давно не видела своих родителей, очень скучала и с нетерпением каждый раз ждала Звёздного Часа, чтобы поговорить с ними по межгалактической связи.

Космическими службами для всех кораблей были установлены определённые часы связи с Землёй, в течение кото-

рых сообщались наиболее важные, заслуживающие внимания, сведения и астронавтам давалась возможность свидания с родными и друзьями. Это время называлось Звёздным Часом. "Клёну" на него отводился период с 20.00 до 21.00.

С коренными изменениями в области дальних космических полётов люди давно научились уравнивать земное время с временем на борту звездолётов, несущихся со скоростями, уже намного превышающими и скорость света.

Для Вирии этот Звёздный Час был единственным мостиком к семье. Уже несколько лет она летала на транспортниках и на Земле почти не бывала.

На "Клён" Вира попала недавно. Но теперь, после нескольких рейсов, он стал для неё родным домом. И она уже не мыслила себя без этого красавца звездолёта и его командира Германа Далинского. Приняв Виру в качестве знающего специалиста, командир очень помог ей первое время, когда было особенно трудно осваиваться с новыми обязанностями. Вира умела быть благодарной людям, крепко привязывалась к друзьям и теперь очень радовалась, что вместе с Далинским ей придётся работать на "Клёне" может быть всю свою жизнь.

Но "Клён" ей нравился ещё и потому, что командовал им этот человек. Только совсем недавно Вирия поняла, что она любит Германа Далинского. Любит очень сильно, как ей казалось. Это была её первая настоящая любовь. Она не могла

еще полностью разобраться во всех своих чувствах и боялась признаться в этом даже самой себе.

Командир представлялся девушке очень смелым, мужественным человеком, благородным и сильным, на плечах которого лежала вся ответственность за корабль, за членов экипажа, за неё, Виру, и за выполнение поставленных задач; который умел находить выходы из, казалось бы, самых безвыходных ситуаций. Всегда немногословен, молчалив, часто задумчив, он редко улыбался. Но у него была обворожительная улыбка. Вообще, командир внешне немало привлекал Виру: высокий рост, бледное, с чёткими правильными чертами лицо, чёрные густые волосы с седыми прядями на висках, чёрные прямые брови и огромные выразительные тёмно-карие глаза. Вира всякий раз не могла оторваться от этих глаз. Невероятной глубины, они так пронизывали всё её существо, что ей становилось не по себе. Но за тяжёлыми веками с длинными чёрными ресницами в них чаще всего можно было прочесть грусть.

Вира знала, что Герману Далинскому около сорока лет, что он имел семью: жену и сына, и что жена оставила его недавно. Герман вместе с ней работал на исследовательском звездолёте. Они занимались изучением новых, только что открытых галактик. Однажды, при анализе образцов, взятых на одной из планет, были допущены грубейшие ошибки, из-за которых сорвалось на длительный срок освоение. Виноватых ждало суровое наказание. В их число входила и жена

Германа.

Далинский, чтобы как-то помочь ей, принял вину на себя. Жена не стала возражать и даже вроде обрадовалась этому. Она не огорчилась и когда мужу пришлось оставить исследовательские полёты, и, вроде бы, в самом деле поверила, что Герман виноват в их неудачах.

Далинский перевёлся на транспортник, редко стал бывать на Земле. Связаться с домом случалось нечасто. Жена избегала встреч с ним, видимо, они были ей неприятны. А потом, во время одного из Звёздных Часов, она сообщила Герману, что уходит от него. Он молча выслушал, не сказал ни слова. С тех пор они больше не виделись.

Сын Далинского работал монтажником на спутнике Юпитера. Он все время находился в недрах космического тела, и отец почти не мог общаться с ним. Поэтому в Звёздные Часы Герману устраивать свидания было не с кем. Он кратко сообщал все важные сведения, получал очередные задания и покидал узел связи, уходил в командный отсек или к себе, в помещение для отдыха.

На станциях Далинского считали опытным звездолётчиком и надёжным человеком. Знали, если летит Далинский, груз будет доставлен в срок и наилучшим образом. Только один раз он опоздал из-за поломки в корабле, которую пришлось устранять в полёте. Этот рейс чуть не оказался для него последним, но об этом так никто и не узнал.

Если было нужно, Герман без лишних слов выручал ис-

следователей. Случись необходимость, в любую минуту мог помочь человеку. Но к людям он относился по-разному. Для друзей всегда находил нужные, добрые слова. Друзья его оставались друзьями на всю жизнь. Он не понимал дружбы периодами – сначала с одним, потом с другим. Слабость в людях Далинский умел прощать. У него самого бывали такие минуты, когда он срывался. Но Герману удавалось скрывать это от людей. Если же человек оказывался пустым и мелочным, способным предать во благо своей драгоценной шкуры, Герман замолкал, не пытаясь что-то говорить, объяснять ему. Он не мог найти слов для общения с такими людьми и просто уходил в сторону.

Вира и Александр радовались, что во время Звёздного Часа командир давал им полную свободу, как говорится, не стоял над душой. При нём они бы смущались, чувствовали себя скованно. Александр же изощрялся как только мог в рассказах о своей лётной жизни, болтал без умолку, часто сильно приукрашивая события. Он слыл мастером на анекдоты и всякого рода шуточки.

Астронавигатор Александр Лоре был третьим членом экипажа "Клёна". Он только что закончил школу звездолётчиков и начал летать на этом корабле. Шурик с детства мечтал о космосе, о неизведанных галактических просторах, об открытиях новых миров, подвигах и опасностях. Он даже огорчился, попав на транспортник. Ему представились однообразные, нудные прогулки между давно изученными и

освоенными звёздами. Никаких тебе приключений и неожиданностей.

Александр имел лёгкую, мечтательную натуру, постоянно придумывал разные истории и удивительные ситуации, главным участником которых был он сам. Шурик мнил себя героем-первооткрывателем, командиром отважного звездолёта-первопроходца, несущегося к неизвестным далёким мирам, и что в него влюблены все женщины экипажа, а на земле его ждёт самая прекрасная девушка вселенной. Но, естественно, о своих мечтаниях он никому не рассказывал.

Только когда "Клён" обнаружил Феллу с её невиданной доселе жизнью, Шурик успокоился, и работа не стала выглядеть для него в таком мрачном свете. Тем более, что командир совсем не казался ему безразличным сухарём, интересующимся только банальными заботами об очередном рейсе и грузе. Лоре чувствовал в нём стремление к чему-то другому, более значительному. Что-то привлекало его в командире, в его задумчивости и уверенности в себе.

С появлением этого навигатора, на звездолёте сразу установилась атмосфера шуток и смеха. Он умел смеяться даже в самых серьёзных ситуациях.

У Александра были русые волосы и светло-серые с хитринкой глаза. Ещё Александр писал стихи. Он не знал, откуда у него эта способность. Она появилась недавно и стала потребностью и помощницей в его мечтах. Лоре сочинял стихи обо всём и по любому поводу. Щедро посвящал и дарил

их своим друзьям. Но сочинял только для себя и для них, ни о чём более серьёзном даже не задумывался. Его стихи были открытые, порывистые, даже шальные, не всегда правильные. Он писал их почти за один присест и рассказывал в них о своих чувствах ко всему окружающему, раскрывал всю широту своей немного наивной и восторженной души. Только в стихах иногда можно было угадать, о чём он мечтает.

Став летать на "Клёне", Александр много стихов посвятил Вирии. Восторгался ею как отважной звездолётчицей и обаятельным человеком. С юмором относился к её профессии контактёра.

Он влюбился в Виру с первого совместного полёта. Но он также знал о её любви к командиру и не претендовал ни на что, наоборот, помогал ей, сочувствовал, утешал. Она часто обращалась к нему за советами. Александр хотел только одного, чтобы Вире было хорошо.

С Лёликом у него сразу установились дружеские, даже панибратские отношения. Робость при общении с жителем другой цивилизации быстро исчезла из общительной души навигатора. Он считал, что, каким бы ни был инопланетянин, какой бы внешний вид не имел, всё равно в итоге это должно сводиться к понятию "ЧЕЛОВЕК" с большим разнообразием его отличительных черт.

– Все мы – жители вселенной, – объяснял он. – Во всех нас пересыпается одна и та же космическая пыль. Скоро мы все перемешаемся в галактических пространствах, как давно

перемешались люди на нашем земном шарике.

"Клён" был уже далеко от родной солнечной системы. Каждый член экипажа ежедневно нёс свою службу: занимался повседневными делами, наблюдая за медленным изменением расположения созвездий.

Первое время полёта Лёлию категорически запрещалось покидать свой отсек, как это было в полёте с Феллы к Земле. Но сейчас вскоре ему разрешили выходить. И теперь он мог уже свободно разгуливать по всему звездолёту, немало мешая передвижению астронавтов. Так как, где появлялся Лёлий, там пройти становилось затруднительно. А сидеть на одном месте ему не нравилось. Это оказалось на удивление общительный пассажир, которого всё время тянуло к людям. Где был экипаж, там был и Лёлий.

Вот и сейчас он растянулся вдоль всего экрана переднего обзора и поблёскивал голубоватым светом в неярком освещении отсека отдыха. Можно было подумать, что Лёлик наблюдает за звёздным пространством.

– Посмотри сюда, Вира, – Александр показал на экран. – Видишь едва заметную неясную точку в правой стороне? Это Алансолярий.

– Скоро будем на месте. А то наш Лёлик, наверное, очень скучает по родине.

– Ещё несколько дней, и мы увидим свои старые следы в зелёной пыли Феллы. Интересно, узнала бы ты их? Я бы на-

верняка! Я отлично помню как топтался около того дурацкого камня, когда Лёлик загородил мне дорогу.

– Правда! Ты тогда здорово испугался, боялся даже близко подойти к нему. Но ты ещё был в лучшем положении, всё же предполагал встретить что-то необычное. А бедный Лёлик! Каково было ему, когда он увидел тебя на своей родной матушке-планете. Наверное, чуть с ума не сошёл. Правда, Лёлик?

Лёлик перекатился на середину комнаты и занял всё пространство от стены до стены.

– Не обольщайтесь, – раздалась мелодичная музыка. – В первый момент я вас вообще не воспринял как разумных существ и не обратил на вас никакого внимания. На нашей планете их появление было в принципе невозможно. А ваших следов на Фелле давным давно и след простыл. У нас бывают очень сильные бури, сметающие все начисто и перетряхивающие планету, как старый грязный половик.

– Ишь ты! Ничего, скоро мы оставим там много следов. В результате обмена дружескими визитами!

Свет в отсеке вспыхнул ярче, а экраны сначала потускнели, а затем совсем погасли. Вместо чёрных провалов появились стены комнаты.

В отсеке для отдыха было очень уютно. Кругом домашняя, привычная на Земле, обстановка. У входа висела картина с морским пейзажем. Лучи заходящего солнца заливали своим золотым светом берег моря. Эту картину повесила

здесь Ви́ра.

– Это место на Земле самое красивое? – спросил её Лёлий.

– Наверное нет, Лёлик, но это моя родина, и я сейчас от неё, как и ты от своей, очень далеко.

– Ви́ра, а ты могла бы навсегда остаться здесь, в космосе, не возвращаться совсем на Землю? – Александр посмотрел на морской пейзаж. – Я бы смог. По-моему, нет ничего прекраснее и таинственнее этого звёздного пространства, даже наша маленькая планета, на которой давно всё изучено. Скоро мы не будем считать своей Родиной какой-то клочок земли. Ею для нас станет вся вселенная.

– Нет, Шурик, человека всё равно всегда потянет к тому месту, где он появился на свет, где осталась его семья, куда он постоянно возвращается в своих воспоминаниях. Ты слышал что-нибудь о ностальгии... Но, ты знаешь, я бы осталась на всю жизнь в космосе. Я бы могла быть где угодно, лишь бы вместе с вами.

– Лишь бы вместе с Далинским, – хитро уточнил Александр.

– Да.

– Счастливый он человек. Его любит самая лучшая девушка Земли. Ах, если бы меня так любили! Я бы, кажется, горы свернул... я бы ночь в день превратил... я бы новую звезду зажег...

– Шуручка, милый, он мне дороже всех. Я бы не смогла теперь дня прожить на Земле, если его там нет. Без Германа

мне Земля кажется какой-то пустой. Я бы жизнь отдала за него, не задумываясь. А тебя, Шурик, полюбит самая лучшая девушка, я тебе обещаю.

– Не обещай. Не полюбит.

– Навигатора Лоре в командный отсек, – раздалось в динамике внутренней связи.

– Командир вызывает, – Александр выбежал из комнаты.

Командный отсек располагался в носу звездолёта и представлял собой сложнейшую систему автоматики. Пульт управления, состоящий из всевозможных дисплеев с цифрами и диаграммами, тянулся вдоль всех стен, абсолютно прозрачных для находящихся внутри корабля и абсолютно глухих для наружного наблюдателя. Около пульта стояли удобные кресла. Перед стеной центрального обзора на командирском месте сидел Герман Далинский. На первый взгляд, он выглядел здесь совсем ненужным, лишним, потому что весь огромный пульт управления кораблём жил своей самостоятельной жизнью и выполнял, казалось, то, что сам считал необходимым.

Когда Александр вошёл, Герман сосредоточенно изучал навигационную карту, иногда внимательно вглядываясь в пространство космоса на пути "Клёна", где слабо мерцал Алансолярий.

– Вызывали, Герман Мстиславович?

– Шурик, дай мне, пожалуйста, навигационные расчёты и

чертежи. Звёздочка Лёлика уже сияет на горизонте, – кивнул на экран Далинский.

– Приближаемся.

– Давай проверим ещё раз маршрут и схемы посадки.

Они склонились над электронными графиками и картами.

– Как там Лёлик? – спросил Герман. – На время снижения его надо будет, на всякий случай, отправить в консервационный отсек. Кто знает, как будет проходить посадка и что мы встретим на сей раз на их планете.

– С ним Вира. Он не отходит от неё ни на шаг. Она проводит с Лёликом больше времени, чем с нами. Я начинаю уже ревновать, – притворился возмущившимся Александр.

– Он среди нас, как ребёнок, Шурик. К тому же наш гость, – говоря, командир приготовил графики для сверки с картой. – Хороший Вира контактёр. Я мечтал о таком.

– Я тоже, – Александр включил дисплей со схемой.

Передвигая дисплей поближе, Далинский взглянул на навигатора. В глубине его бездонных карих глаз вспыхнули искорки улыбки.

– Ты, кажется, написал о ней стихи? – спросил он.

– Это ещё после первого полёта. Хотите, прочту? – Шурик откинулся в кресле.

Есть среди звёзд бесконечных и разных,

Светящих в холодном бездушном пространстве,

Одна с настоящей горячей душой.

И эта звезда постоянно со мной.

Она, как маяк, в этом космосе вечном,
Как светоч, во времени столь быстротечном -
Лихой астронавт среди звёздного мира,
Прекрасная девушка с именем Вира.

Добрые руки, отважное сердце.
Мечтая о космосе с раннего детства,
"Летать мне на звёзды", – она так сказала.
И вот контактёром та девушка стала.

Разумную жизнь на планетах встречает.
Любовью на ласку ей там отвечают.
Летает на "Клёне" среди станций межзвёздных.
Товарищ надёжный в работе серьёзной.

Как вы б ни искали на всём белом свете,
Но лучше её никого вам не встретить.
Я счастлив, что с нею работаю рядом,
Мы связаны вместе единым отрядом.

Я б песню о ней непременно сложил
И лишь для неё во вселенной бы жил...

– Неужели бы ты обо мне песню сложил, Шурик? – в две-

рях командного отсека появилась Вира. Следом за ней протиснулся Лёлик, подкатился к пульту и, забравшись в кресло, по-хозяйски расположился в нём.

– Хорош гусь, мог бы даме место уступить, – проворчал Александр.

– Ну что ты, Шурик, пусть сидит, как тебе не стыдно, – поспешно оборвала его Вира.

Она отошла от кресла и села прямо на столик соседнего пульта, рядом с командиром. Губы её непроизвольно расплывались в улыбке. Вира всегда улыбалась, когда мыслями обращалась к чему-нибудь приятному. Здесь, на звездолёте, её часто можно было заметить улыбающейся, так как она постоянно думала о Германе. Находясь рядом с ним, она была счастлива просто потому, что видит его. И сейчас, когда огромные глаза командира были так близко перед ней, никак не могла сдержать улыбку на своих непослушных губах.

– Что такое "гусь"? – невозмутимо прозвенел Лёлик.

– Ну... это такая земная птица... с перьями, – попытался объяснить навигатор.

– Но на мне же нет ваших перьев? – искренне недоумевал житель Феллы.

– Не слушай ты его, Лёлик, – примирительно произнесла Вира. – Он любого может назвать всем, чем угодно. Он у нас с приветом.

– А где у него этот привет? – заёрзал в кресле совсем сбитый с толку Лёлий.

У Виры сделалось такое растерянное лицо, что все дружно захохотали.

– Да, Александр, поэт ты хороший, а вот Лёлика от гуся отличить не можешь. Как же это ты так? – смеясь, проговорил командир. – И привет свой прячешь от всех. Ну, а стихи, в самом деле, замечательные. Правда, Вира? Прочти ей ещё раз, – обратился он к навигатору. – Сочини что-нибудь и об этом нашем путешествии, о Лёлике, о Фелле. Можешь вести летопись наших полётов в стихах, вроде дневника. А, Шурик? нам вместе теперь летать и летать, жить одной семьёй, работать и открывать новые тайны вселенной. Без нас ни одно исследование не обойдётся. Правда! Мы с вами столько дел наворотим, горы свернём. Честное слово, я рад, что вы оказались со мной, что именно вас направили на "Клён". О, – он взглянул на часы, – пойдёмте в узел связи. Время. Скоро начнётся Звёздный Час.

Первым в кресло для переговоров сел Далинский. За день накопилась масса сведений для передачи на Землю, кое-какие вопросы и справки. Нужно было сообщить о корректировке траектории движения к показавшемуся Алансолярию и условий посадки. Матовый экран, готовый вспыхнуть через несколько минут, притягивал к себе нетерпеливые взоры Виры и Александра, пристроившихся сзади кресла. На стене горело световое табло часов, которые начнут сейчас отсчёт такого желанного и такого короткого Звёздного Часа.

И вот на экране появился наземный Центр связи, с которым вёл свои переговоры "Клён". Экипаж внимательно, с интересом следил за тем, как командир проводил сеанс. Он конкретно и чётко докладывал суть дела, без лишних эмоций выслушивал все данные с Земли, почти сразу, тут же принимал необходимые решения и сообщал на Землю. Закончив, Далинский попрощался и встал с кресла, освобождая его для Вирии. Она от нетерпения чуть не бегом кинулась туда. Герман улыбнулся, наблюдая, как она поудобней устраивается в нём на свои двадцать минут свидания с домом, и тихонько вышел из отсека, направился к себе.

Командир вошёл в свою комнату и, почти не включая освещения, прилёг на диван. Он часто отдыхал вот так, лёжа в полутьме с открытыми глазами, расслабившись, не заставляя себя ни о чём думать. Над головой, свешиваясь с потолка, слегка раскачивался забавный чёртик, сделанный из какого-то недавно открытого материала, названия которого Герман и не знал. Эту игрушку подарила ему жена, ещё когда они летали вместе. Далинский хранил её, как талисман. Теперь он расстался с женой, а чёртик всё также болтался на ниточке в его комнате. Это была не память о жене, а просто Герман верил, сам не зная почему, в якобы существующую таинственную силу талисмана. С ним он не расставался ни в одном полёте.

Как могла получиться такая нелепая история в его жизни, думал Герман, наблюдая за чёртиком, медленно поворачива-

ющимися в воздухе. Он уже не в первый раз задавал себе этот вопрос и никак не мог найти удовлетворяющего себя ответа. Как могло произойти то, что его жена, его друг, которую он знал, казалось бы, до мельчайшей чёрточки, с которой они так хорошо понимали друг друга, оказалась способной совершить подлость, предать дружбу, любовь, опуститься до малодушия? Неужели он, так хорошо разбирающийся в людях, за всю их совместную жизнь не смог разглядеть в ней этих качеств! Или они появились теперь? Но отчего? Герман во всё винил себя. Он считал, что сам виноват больше всего, потому что как-то не поговорил с женой, не удержал её. Им в то время полностью, беспредельно, овладела гордость.

"А может быть она всегда была такой? – он стал припоминать все подробности их жизни. – Я просто не замечал, не хотел ничего замечать, слишком любил её".

Герман снова и снова вспоминал всё, что было прожито. Но видеть жену он больше не хотел.

"Каким же вырастет наш сын? Он уже стал таким самостоятельным, работает. Как давно я его не видел."

Далинский с грустью подумал о том, что даже Звёздные Часы, способные подарить встречу с человеком, находящимся в любой точке Солнечной системы, не могут помочь ему повидаться с сыном. Он опять вспомнил, как по-детски Вира кинулась к экрану видеосвязи, на котором должны были появиться её родные. "Счастливая. Я уверен, она сейчас болтает о совершеннейших пустяках, а потом будет жалеть, что не

поговорила о главном. Они с Александром совсем не умеют анализировать свои мысли, отбирать основное, полностью использовать отведённое им время на самое необходимое, укладываться в жёсткие временные рамки. Ничего. Со временем научатся. Им ещё многому придётся научиться, набраться опыта. Все-таки быть звездолётчиком – не цветочки разводить, хоть и летаешь ты всего-навсего на транспортнике. Каким несмышлёнышем пришла ко мне Вира, как трудно ей было первое время, меня она, кажется, даже немного побаивалась. Не сразу удалось приручить её. А сейчас она лучший мой друг и помощник... Неужели? По-моему, она в меня влюблена. Нет, я не ошибаюсь. Мне кажется, я читаю в её глазах нечто большее, чем просто привязанность товарища по работе... в её странных прозрачно-голубых глазах. Да, глаза её, действительно, необычные, прав Шурик. Бедняга! Вот он определённо её любит, а она как не замечает этого. Милая девушка, что она во мне нашла? Угрюмый, уже молодой тип, которому и место-то нашлось только здесь, в пустом пространстве между тем и этим, и никто его не ждёт, у которого нет ни одной души на Земле, кто бы постоянно думал о нём. Куда мне до этого доброго весельчака Александра Лоре, до его молодости и энергии. И стихи я писать не умею. А Вира вот другая. Она ещё очень молода, но уже хорошо разбирается в жизни, в людях. Удивительная душа у этой девочки, открытая, чистая, нет ни тени затаённой мелочности, равнодушия. Моя жена могла хорошо относиться к челове-

ку, а в душе таить какую-то горечь от старых, не совсем тактичных его поступков и при любом удобном случае, в дружеской беседе, язвительно напомнить небрежно брошенной фразой о какой-нибудь его неприятной черте, выражая этим всю свою злобу. Вира же глубоко дружески относится только к тем людям, которые ей во всём нравятся. Если человек чем-то не по душе, она ни за что не станет поддерживать с ним дружбы. Вира не таит, не копит в сердце злости. Она не станет делать из человека мишени, чтобы потом больно уколоть в самое сердце и выбросить из своей жизни за ненадобностью. Неужели Вира, действительно, меня любит? Как пусто и одиноко было на душе, а теперь она рядом, и снова появился интерес жить. Она внесла что-то особенное в окружающий меня мир. Всё-таки человеку очень важно знать, что он кому-нибудь нужен."

Время подходило к 21.00, заканчивалась двадцатиминутка Александра. С экрана на Лоре смотрел солидный, представительный мужчина с русой бородкой и такими же серыми, как у Шурика, глазами, в которых под напускной строгостью светилась неподдельная гордость за своего взбаламошного сына, ставшего звездолётчиком. Александр, наконец-то, дождался связи с отцом, который последнее время был очень занят. Он рассказывал о своих делах, знакомил его с Вирой. Вира, немного смущаясь, сидела рядом и незаметно подталкивала навигатора, чтобы тот перестал её слишком

расхваливать.

– Когда мы вернёмся из этого рейса, я обязательно приглашу Виру к нам, – Александр весело взглянул на отца. – Вира, ты поедешь в Индию? Мы живём на Коромандельском берегу. Мой отец там руководит великолепным домом отдыха для работающих подолгу в космосе. Я познакомлю тебя с моей мамой. Она очень хороший человек.

– Хорошо, только приглашай тогда уж и командира.

– Приезжайте всем экипажем, – поддержал её отец Шурика. – Мы будем ждать.

– До скорой встречи, отец, – Лоре посмотрел, сколько осталось времени. – Не пропадай надолго. Я буду тебя запрашивать в Звёздные Часы.

На табло загорелось 21.00 и экран погас. У Шурика и Виры, как всегда после встречи с родными, было хорошее настроение.

– А правда, Вира, поедем к нам! Я покажу вам Индию. Уверен, ты не была в ней ни разу. Моему отцу, как члену Совета по организации отдыха населения Земли и её гостей, пришлось поселиться там, где создавался новый курорт, потому что было много сложностей с его устройством. С тех пор мы так и живём в этой удивительной стране. Ты бы посмотрела, какая там природа! А какой воздух над Бенгальским заливом! Нет, я, честное слово, до сих пор не видел ничего подобного.

Умытое морем, в лазурном сияньи
Лучи поднимает в прозрачную высь
Огромное солнце, и с берега пальмы
Приветствуют утра рождённого жизнь.

Приближалось время заступать Вирии на дежурство, а Александр рассказывал и рассказывал ей об Индии, о море, о доме отдыха, об отце и своей жизни там. Говорил увлечённо, размахивая руками и артистично помогая себе мимикой. Ему нравилось разговаривать с Вирой, особенно рассказывать ей что-нибудь. Она обладала удивительной способностью слушать собеседника. Лицо у неё всегда выражало интерес к тому, о чём шла речь. Она с готовностью отвечала рассказчику, если он обращался к ней. Никогда не перебивала и непременно дослушивала до конца, даже если было неинтересно или не терпелось что-то добавить самой.

– В следующую встречу с отцом договорюсь, когда нам лучше приехать, – закончил свой рассказ Шурик, вспомнив, что Вире пора идти. – Послушай, а почему командир никогда не остаётся с нами на Звёздный Час? Неужели он думает, что помешает нам?

– Не знаю. Не хочет нас стеснять. А может быть, ему тяжело, наблюдая за нами, снова возвращаться к своему семейному прошлому.

– Что, у него нет друзей, с которыми он мог бы побеседовать, которые были бы рады встретиться с ним?

– Есть друзья. Я видела некоторых из них. Ты знаешь, они очень дорожат дружбой с Далинским. Я много слышала о нём от его товарищей. Один, который ещё раньше летал с Германом, восхищался его талантом звездолётчика, называл "асом". Он мне рассказывал, как однажды необходимо было срочно вывезти больного экспедитора с планеты, оказавшейся в непредвиденно тяжёлых условиях из-за метеоритных ливней. И Далинский так ювелирно прошёл сквозь уничтожающий все "дождик", не получив ни одной пробоины, что долго потом все удивлялись, не могли понять, как ему это удалось.

– А метеоритная защита?

– В той полосе тогда были необычайные по своей природе ливни, и наша защита оказалась не очень действенной.

– Слушай, вот это да! Действительно, здорово! Но ведь это невозможно! Невозможно без защиты. Каким надо быть, чтобы вот так, запросто!

– Да уж, наверное, не запросто.

– Как я мало знаю о командире! – с сожалением воскликнул Александр. – Он никогда ничего о себе не рассказывает. Правда, что его называют легендарной личностью?

Вира сидела в кресле, опустив глаза, перебирая записи и схемы, которые совсем недавно держал в своих руках Герман, разговаривая с Землёй.

– Вира, хочешь, я расскажу Далинскому, хотя бы намекну, о твоих чувствах к нему? – вдруг произнёс Шурик.

– Ты с ума сошёл! Что ты! – испугалась она. – Никогда, никогда я не решусь открыться ему.

– Но ведь это не ты, а я скажу. Он будет знать и по-другому к тебе относиться. Вот увидишь.

Вирия отчаянно замотала головой, не находя больше слов для выражения своих чувств. Ей хотелось и не хотелось, чтобы Герман узнал обо всём. Она жалобно посмотрела в глаза Шурику, глубоко вздохнула и поднялась, собираясь уходить.

– Хочешь, я сегодня с тобой отдежурю на пульте? – кинулся за ней Александр. – Хочешь? Мне все равно надо делать расчёты по стыковкам космических тел в районе Алансолярия.

А Алансолярий жил своей бурной жизнью, во многом похожей на жизнь Солнца. Жила своей жизнью таинственная, пока совсем не доступная земному пониманию, изумрудная Фелла. И дорогая человеческому сердцу колыбель – Земля, к которой, сколько бы ни покидали её, навсегда привязаны люди невероятной прочности нитями сыновней любви и преданности, тоже продолжала кружить среди звезд, но уже не замыкаясь в своём узком орбитальном мирке, а думая о всей вселенной, об этой, такой далёкой планетке Фелле и о космическом корабле "Клёне" – единственной сейчас связи с Феллой. На Земле очень внимательно следили за продвижением звездолёта, за возвращением домой странного существа по имени Лёлий. Население планеты регулярно информирова-

лось о всех событиях, о состоянии пассажира "Клёна" и его поведении.

У Виры было много работы. Она постоянно поддерживала связь с земными исследовательскими объединениями, которые обрабатывали поступающие от неё новые сведения об инопланетянине и сообщали ей необходимые данные для наблюдения и изучения.

Случаев понаблюдать Вире представлялось более чем достаточно. Космический звездолёт – необычные условия для существования Лёлия, ежечасно преподносящие ему непривычные, даже опасные или, наоборот, комические ситуации. Он то оказывался в самых неподходящих местах, чем немало затруднял работу экипажа, то терял точки опоры и проваливался куда-нибудь, попадал в "лапы" автоматов, как рыба на крючок, откуда приходилось его освобождать.

Однажды Александр проверял работу двигателей корабля по экрану-схеме, где за прозрачным стеклом находился в уменьшенном масштабе весь настоящий рабочий узел со всеми механизмами и приборами. А на стекле условными линиями обозначались существующие между ними соединения и коммуникации. Видно было, как работал каждый агрегат и как осуществлялась связь его с соседним. По этой схеме легко можно было определить, в каком состоянии двигатели, и легко обнаруживалась любая неисправность без доступа к рабочей зоне.

Вдруг навигатору показалось, что в правом отсеке реак-

тора зажёгся красный свет. Вспыхнула сигнальная лампочка аварийной ситуации.

– Внимание! Правый двигательный отсек! Авария! – моментально среагировал он.

Экипаж кинулся к двигателю. И что обнаружилось? Рядом со спокойно работающим реактором самодовольно расположился любопытный Лёлик и с наслаждением вдыхал отравленный ядовитыми парами, смертельный для всего живого воздух, источая всеми своими кольцами красноватый пульсирующий свет. Все остолбенели от неожиданности. понадобилось немало времени, чтобы прийти в себя.

– Лёличек, а синильную кислоту не хочешь попробовать? – участливо предложил Шурик.

Никак не могли понять, каким образом ему удалось проникнуть в абсолютно герметичную зону, пока он сам кое-как всё не объяснил. Оказалось, что Лёлий увязался за Вирой и Шуриком, когда те направлялись в помещение обслуживания двигателей. Они сняли защиту, вошли и просто захлопнули дверь на автоматический замок. А Лёлик не согласился с тем, что его оставили на другой стороне и, не долго думая, протиснулся в щель шириной миллиметра в два. Незаметно он оказался в реакторном отсеке и задержался там, увлечённый грандиозным зрелищем. Навигатор и контактёр не могли даже предположить ничего подобного и, выходя, спокойно включили герметизацию. Так что Лёлику не удалось вернуться назад тем же путём. Просидел он там не так уж и

долго, но ему вдруг захотелось подышать. В это время его и заметил на экране-схеме Александр.

Для всех явилась более чем неожиданной такая способность жителя Феллы спокойно существовать в любой, абсолютно любой атмосфере. Фелляне не могли жить только в вакууме. И ещё одно свойство организма Лёлика открылось в этом полёте во время одного забавного случая, который произошёл на глазах экипажа и заставил всех изрядно поволноваться за пассажира.

Как-то раз Лёлий двигался вдоль отсека, по-своему обыкновению касаясь стен. И вдруг с одной стороны он не ощутил опоры. Нет, стена была на месте, как и раньше, но для бедного Лёлика она оказалась неосязаемой. Как раз там, где он очутился, в нише находился блок аварийной подстанции очень высокого напряжения, и стена представляла собой своеобразную ширму, которую при необходимости легко можно было разрушить, чтобы подобраться к блоку. Эта самая ширма была совсем невесомой и незаметной на ощупь. И Лёлий, пытаясь нащупать стену, стал вытягивать свои кольца, сломал ширму и тянулся всё дальше и дальше вглубь ниши, к блоку. Никто не успел ни о чём догадаться, как он коснулся клемм на щитке. В эту же секунду всем показалось, что сейчас должна возникнуть гигантская вспышка короткого замыкания. Блестящие кольца вызывали ассоциацию прикосновения к щитку металлического предмета. Несчастному Лёлику пришёл конец. Ни одно живое суще-

ство не способно выдержать такого электроудара. Но шли секунды, Лёлий как ни в чём не бывало выкарабкался из ниши на ровную стенку и двигался дальше, оставив позади изумлённых астронавтов.

Вире пришлось заняться и этим случаем, провести кое-какие опыты с электрическим током. Непонятный организм жителя Феллы был абсолютно лишён электропроводности.

После подобных курьёзов Лёлика на всякий случай стали опасаться оставлять одного и ограничили ему свободу разгуливания по отсекам "Клёна". Только вчера Вирия весь день продержала гостя в консервационном отсеке, наблюдая за его реакцией на резкое искусственно созданное изменение окружающей среды. А сегодня с утра анализировала итоги и готовила материал к Звёздному Часу для передачи на Землю. Теперь она, перед свиданием с родными, вместе с командиром отчитывалась о прожитом дне. К каждому вечеру ей приходилось составлять чёткую сводку сведений. Это отнимало у неё немало времени. Она делала и переделывала снова, пока сообщение не принимало нужную форму, зачастую не без помощи Далинского.

Вира торопилась закончить и немного отдохнуть.

"Александр наверняка сейчас дрыхнет в своём отсеке и видит во сне какую-нибудь таинственную планету, вроде тех, которые у него в коллекции на фотографиях. Где он только их насобирал? Целый фотоблокнот. Я о таких никогда и не

слышала."

Но Шурик не спал. Его мысли были всецело погружены в нелёгкую творческую работу. Он сочинял. Александр решил написать поэму об этом их полёте, о "Клёне" и его экипаже, О Лёлике. Ему понравилось предложение командира вести в стихах летопись их путешествий и работы. Уже довольно долго он мучился над началом. У него ничего не получалось, вернее, получалось не так, как он хотел.

Всё, что было написано – не нравилось.

Шурик недовольно отодвинулся от стола и уставился в экран переднего обзора. Прямо по курсу сиял Алансолярый. Он уже сильно увеличился в своих размерах. Шурик некоторое время тупо смотрел на него. Тут ему показалось, что Алансолярый стал каким-то не таким, немного странным на вид.

"Что это с ним?" – удивлённо подумал он.

Круглый диск звезды смотрел в правый верхний угол Шуриного экрана не голубым, как прежде, а ярко-фиолетовым глазом. Да и все звёзды вокруг тоже начали принимать тот же оттенок.

"Покраснели от смущения", – усмехнулся Александр и снова принялся за поэму.

Вира в это время тоже заметила изменение цвета звёздного ландшафта.

"Какие-нибудь вихревые потоки заслонили Алансолярый от звездолёта, – подумала она. – А может это новая инте-

ресная особенность звезды? Надо спросить у Лёлика. Бедному Лёлику начинает надоедать наше пристальное внимание, скоро он начнёт сопротивляться. Это точно, – улыбнувшись, Вира вздохнула, глядя на свой незаконченный отчёт. – Нет, всё-таки придётся идти за помощью к Герману."

– Что за чёрт! – пытался разобраться в странном поведении звёзд дежуривший на пульте Далинский.

Вот уже скоро час, как Алансолярый начал менять цвет. Герман внимательно следил за приборами, которые непременно должны чутко отмечать все изменения космического пространства вокруг "Клёна", но не находил ничего, что заслуживало бы внимания. Теперь звёзды приняли явно ярко-фиолетовый цвет, а приборы по-прежнему молчали. Герман пытался понять, что бы это такое могло быть. Он перебирал в памяти все известные ему случаи, которые в состоянии хоть как-то прояснить дело.

"Скорее всего тут одно из бесчисленных космических излучений. Но почему не реагируют приборы? А, в конце концов, у корабля надёжная внешняя защита. Может быть именно из-за неё на приборах нет реакции на какие-нибудь очень слабые лучи. Как нужны бы сейчас датчики на наружной стороне защиты. Несправедливо, что их нет на транспортниках "Зодиака". Вводятся они пока только на новейших исследовательских звездолётах дальнего следования."

Он ещё раз внимательно пробежал глазами по всем при-

борам. И всё-таки ему не давал покоя этот странный очень красивый фиолетовый оттенок светил в центральном экране. Для собственного успокоения, желая взглянуть на нормальный, естественный блеск звёзд, Герман

повернулся к экрану заднего обзора, где должно было сиять среди звёздной дали далёкое родное Солнце, и вдруг обнаружил, что и там всё пространство также затягивалось фиолетовой пеленой. Солнце, такое привычное, знакомое стало совсем непохожим. Тоже самое было и в экранах бокового обзора. Калейдоскоп разноцветных огоньков звёзд на фоне непроницаемой черноты сменился одним невыносимо ярким цветом. Всё это создавало жуткое впечатление. Сверкающий нос "Клёна" тоже неотвратимо начал излучать пресловутый фиолетовый свет. Герман понял, что они сейчас находятся в центре каких-то лучевых межзвёздных потоков.

Прошло ещё несколько томительных минут. "Почему молчат приборы?!" – едва успел подумать в сильном возбуждении Далинский, как индикаторы сдвинулись с нулевой отметки. Ещё мгновение, и с приборами вдруг произошло что-то неладное. Стрелки, молниеносно перескочив красную черту предела безопасности, дико заплясали у верхней границы шкал, а затем, наглухо зашкалив, замерли, показывая смертельные дозы излучения, проникшие внутрь звездолёта.

– Членам экипажа немедленно включить общую защиту помещений корабля и быстро явиться на пульт управления,

захватив с собой автономные защитные аппараты и скафандры, – мгновенно передал Герман по внутренней связи, подсознательно оценив ситуацию, хотя не успел ещё ничего толком решить для себя.

Услышав такое сообщение командира, Вира и Александр выскочили из отсеков. Шурик, замкнув рубильники на щитках, кинулся на пульт. По узкому пространству коридора, растянувшись от стенки к стенке, медленно перекатывался Лёлик.

– Только тебя тут не хватало! – навигатор с разбега перепрыгнул через феллянина. – Уж прости, друг! Вира, скорее его в отсек... запри... включи необходимые параметры!

Стрелки индикаторов больше не шевелились, угрожающе поблёскивая светящимися контурами. Это означало, что странное излучение, так внезапно встретившееся на пути "Клёна" и окрасившее пространство в фиолетовый цвет – неизвестное до сих пор порождение космоса, очень сильное – было убийственным для всего живого. Против него оказалась слабой даже практически непроницаемая внешняя защита.

"Всё чаще и чаще мы сталкиваемся в космосе с такими явлениями, от которых эта, считающаяся универсальной, созданная гениальными учёными, система не в силах спасти. Надо, непременно надо что-то менять в ней, и в самом скором времени. Космос всё чаще преподносит сюрпризы", – как-то отвлечённо подумал Герман. Он не мог отвести

глаз от дурацкой стрелки, упрямо впившейся в ограничитель шкалы, и никакой силой, казалось, нельзя было сдвинуть её с места.

"Значит мы уже несколько минут подвергаемся воздействию лучей, даже мгновенное соприкосновение с которыми вызовет смерть. Мы беззащитны перед ними. Все меры, какие бы мы теперь ни предприняли, уже бесполезны. "Клён" насквозь пропитан губительным ядом. Наши организмы безвозвратно поражены. Это конец."

Холодный пот выступил на лбу Германа. Удушливая волна перехватила дыхание. Бледное лицо его стало совсем белым, как мел. В оцепенении он с трудом повернул голову на донёсшийся до его сознания звук сигнального звонка, который уже давно дребезжал у входа в отсек, мигая красными лампочками и запоздало предупреждая об опасности.

"Что же теперь делать?.. Что будет дальше?.. Всё уже не имеет смысла!.. Нет, надо что-то предпринять. Сейчас "Клён" представляет собой такую же смертельную опасность для всего живого как сама полоса излучения. Продолжая свой путь, он понесёт дальше в космос лучи, которые будут теперь исходить от него самого. Он будет заражать всё на своём пути, а наши корабли не смогут даже вовремя определить опасность, их подстерегающую... Остановить звездолёт. Немедленно остановиться и уничтожить себя, – рука Германа легла на ключ тормозного устройства. – А Лёлик? Ведь он-то не подвергнулся излучению, вернее, оно на него

не повлияло! – вдруг вспомнил Далинский. – Он имеет полное право вернуться на свою планету. И мы должны его доставить туда. У нас нет никаких прав лишать его жизни."

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.